

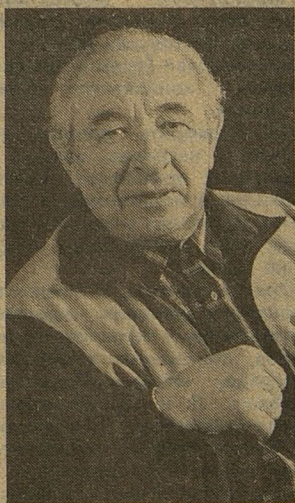
Лебедев Е.

19892 - 5.08.

Евгений Лебедев

В одном из интервью Евгений Лебедев сказал, что актер должен задавать себе трудные вопросы, вечные вопросы. Мысль неожиданная, особенно если знать, как привержены актеры Ленинградского БДТ, и Лебедев в том числе, к сценической импровизации. Однако на деле одно не противоречит другому. В ролях, сыгранных Лебедевым, — его Холстомере, Бессеменове, Иване, в последней его премьере «На дне», где он сыграл Луку, как раз и заключены эти вопросы, которые он задает себе и залу.

Но он задает себе не только их на сцене. Вернее, предваряет сцену размышлениями за письменным столом, сочиняя рассказы, вспоминая о том, что было, анализируя сыгранное — достаточно вспомнить книжку «Мой Бессеменов». На этот раз вниманию читателей представлены юмористические сочинения народного артиста СССР Е. Лебедева. Не они ли, кстати, «звучат» в репликах одного из его героев — бессмертного противника «реформ вообще».

ДЫРА

Стрюцкий рассказывал, что Волга, омывающая Маруськин остров, имеет на своем дне огромную сквозную дыру, соединяющуюся с ее же, Волги, подземным течением. Волга наружная, которая течет по земле и нам всем видна, течет вниз и впадает в Каспийское море, а подземная Волга течет вверх и кормит реки и ручейки, а затем обратно попадает в Каспийское море. Получается круговорот. Если бы такого не было, то Волги, такой широкой и глубокой, давным-давно не стало бы, она бы высохла! А если бы не было дыры, то Каспийское море от такого большого количества воды вышло бы из берегов и все бы затопило. Был бы потоп, как говорила бабушка.

О Волге Стрюцкому рассказала бабушка еще в детстве, и теперь, когда он стал ученым, то часто вспоминал ее сказки. Ученым он стал в тот год, когда руководство института обещало, что оно готово дать стране на 20 процентов ученых больше, чем это делалось раньше, и, отвечая на призыв института-побратима, подписало обязательство, а подписав, стало подсчитывать, сколько человек составляет 20 процентов? Подсчитывая, выяснили, что получается дробь, то есть неполный человек, а только половинка. Выполнение обязательства в процентном отношении невыполнимо — вот что вдруг обнаружили. Сказать — сказали, дали обещание... напечатали в газетах... а что получится — не подумали. А теперь поздно. Если убрать полчеловека, то план не будет выполнен, и тогда у вышестоящих организаций появится основательная причина вмешаться в дела института и сделать соответствующие выводы относительно его руководителей. Ситуация стала тревожной — что делать, как быть? Началась паника. Открытие решило держать в тайне и завели папку с особо секретными делами. Папку заперли в сейф, но на следующий день директор зашел в парикмахерскую, где обычно стрижется его жена и иногда он сам. Парикмахерша ему посоветовала сделать из половинки целого ученого. А на чем и на каком материале делается ученый — неважно, комиссия ученых трудов не читает, она их просто не успевает читать... «Я все знаю, мне рассказывали, как это делается!.. И прекрасно делается!.. Из меня тоже хотели сделать ученого, я отказалась, мне это невыгодно, а вам полный расчет. Будет не только выполнение, но перевыполнение плана...» — так парикмахерша утверждала.

Директор подумал и сказал: лучше перевыполнить, чем не выполнить!.. И премия будет, и знания, оно у нас уже много лет лежит. Только кого сделать ученым? И вдруг он вспомнил Стрюцкого и его рассказы о бабушке и о потопе, и о дыре, которая есть в Волге. На этом материале он предложил Стрюцкому сделать себе ученое имя. Стрюцкий удивился, но потом увлекся и защитил диссертацию. На защиту Стрюцкий принес действующий макет реки Волги, всю систему рек и ручьев, согласно географическим данным впадающих в Волгу и Каспийское море, и всю систему обратных вод, текущих под землей. Доклад был длинный и обширный. Докладывая, Стрюцкий утверждал, что в мире все вращается, начиная с Земли и кончая кровообращением у животных и человека. На человеке Стрюцкий остановился особо и подробно. Палочкой показывал на

НЕВЕРОЯТНЫЕ ИСТОРИИ

схему кровеносных сосудов, сравнивал и сопоставлял их с ручейками и реками, впадающими в главную, основную артерию — Волгу. Волга точно так же впадает в Каспийское море, как кровь в человеческое сердце, а из Каспийского моря, уже под землей, возвращается к своим начальным родникам, то есть к источникам.

Директор даже подпрыгнул от такого открытия, не выдержал и громко крикнул: дело в шляпе, спасибо парикмахерше! Здесь не только докторская! Тут премия! Государственная!

На защите докторской диссертации замечаний не было, кроме одного, не существенного, сделанного председателем ученого совета. Это замечание касалось реки Сука, которой не было у Стрюцкого в макете. Выяснилось, что этой реки никто не знал, о ней никто не слышал, но когда председатель сказал — я там родился, это моя родина, замечание было принято, и председатель получил благодарность за активное участие в защите диссертации. План был выполнен, был банкет, много было выпито, но курильщики не курили.

У АНГЛИЙСКИХ СОБАК

— Вы спрашиваете, что меня удивило в Англии? А разве об этом можно рассказывать?

— Можно, можно. Рассказывайте!

— Удивили меня собаки. Об англичанах говорить нечего. То, что они удивительный народ, мудрый народ, тоже говорить нечего. Это мы давно знаем, помним.

— Ха-ха-ха! — засмеялся сослуживец Стрюцкого и запел: «Англичанин, мудрец, чтоб работе помочь, изобрел за машиной машину... А наш русский мужик...» Помним, помним...

— Они и сейчас, если с нами сравнивать, такие же, — сказал Стрюцкий. — Далеко ушли! Занятные! Например, руль в автотранспорте во всем мире с левой стороны, а у них — с правой. Почему? Объяснить не берусь. Понять невозможно — разговаривают на английском языке. Все. Ну как тут не вспомнить бабушку! Она всегда мне в детстве говорила: «Учи, учи языки!». Но я тогда сознательный был, а бабушка — нет. Она — «элемент», «несознательная», «отсталая». Не понимала, что пришло наше время — «молодое, незнакомое». Все равны. Все одинаковы. «Языки нам ни к чему. Все будут говорить на одном — ленинском языке, потому что — мировая революция!»

Теперь-то, когда я сам дедушка, мне ясно: бабушка была права, а мировой революции у нас не получилось. И если бы я знал язык, я бы мог ответить на многие вопросы. Беда моя в том, что языка не знаю. Глаза видят, а голова молчит. Странно. Глаза, уши, нос находятся в той же коробочке, где расположены мозги, а согласованности между этими органами никакой. Органы даны, чтобы мозги шевелили, а они не шевелятся. Интересно узнать: кто кого должен шевелить — глаза мозги или мозги глаза.

Англичане от нас далеко ушли. По витринам заметно! Но лучше и полезнее для всех нас (и для себя лично) об этом не рассказывать и у витрин не стоять. Англичане могут подумать: дикари приехали. Но, мне кажется, страшно не то, что англичане подумают о нас, а то, что мы подумаем, разглядывая витрины. Страшные мысли приходят. Я лучше о собаках расскажу, мне это легче, в политику не буду вмешиваться.

Так вот. Что меня особенно удивило в Англии, так это собаки. Это я вам скажу... Это — жизни! Это не то, что у наших собак — собачья жизнь. У тех собак совсем другая жизнь. Они как бы и не собаки, они точно люди, только четвероногие. Например, идут по тротуару, без поводка, без намордника, рядом со своим хозяином или просто... прогуливаются — и ничего, не страшно. Глаз спокойный. Идет степенно. С собачьим достоинством. Идет сука или кобель, и ни на кого не смотрит, словно не замечает.

Закон что ли у них такой, чтобы собаку никто не трогал? Никто не задерживал? Никто ей хвост не выкручивал? Я мимо такого факта пройти не мог, заинтересовался. Уже очень меня поразило то, что собака — как человек, с такими же правами. Только без зонтика.

Вы только подумайте: идет около ноги своего хозяина и, если встретится ей другая собака, они не рвутся друг

к другу и не огрызаются, как наши, а безмолвно, спокойно — один только плавный поворот головы — встретятся глазами и, не останавливаясь, пройдут мимо. Ну ни одного слова, ни одного звука — и все понятно, все. Кто у кого живет и как живет. Я, не зная другого, кроме своего русского языка, все понял! Удивительно!

Собакам там живется хорошо. У них свои магазины, парикмахерские, клубы, даже кладбище собачье. И все, что положено для похорон, продается.

Если наш брат, русский, случайно забредет в их магазин, то сразу и не поймет, что попал в собачий, потому что он такой же, как и человек, — в нем все есть! Бывали такие случаи, когда наши покупали колбасу или консервы (мы же всегда ищем, где подешевле, а в собачьем магазине дешево) и, только придя домой, в гостиницу, задавали себе вопрос: почему на этикетке собачья морда? И сразу же к переводчице.

«Паштет, собачий завтрак». Паштет-то я и без переводчицы прочитал, а «собачий завтрак» прочитать не мог. Эх, бабушка, бабушка, как я тебя вспоминаю. Трудно без языка, ох, как трудно!

Паштет. Разве русскому человеку придет в голову, что может быть паштет специально для собак? Да еще в такой красивой упаковке! Человеческая еда. А тут вдруг — собачий завтрак. Собаке — кость или... что там остается от обеда. Намешают, что попола, и дадут. А то и так просто посидит, без обеда. Что с ней делается, с собакой? Потому и называется — собачья жизнь.

На Кавказе собак совсем не кормят — я видел. Они там сами добывают себе еду, потому такие и дохлые — кожа да кости. И выражение у них скулистое, скорбное, виноватое. Увидят человека, хвост подожмут и — в сторону, в кусты. Все их обижают: и бабы, и мужики, и маленькие, и большие. Все, кому не лень. А блох в них столько, словно они их специально разводят, чтобы потом остервенело вгрызаться и жрать, жрать...

А может, как и надо? Может быть, и хорошо, что они не знают другой жизни? Пусть себе думают, что она такая, какая есть, и другой, лучшей жизни, нет! Такая и должна быть. Может быть, они и догадываются о другой жизни — слухами земля полнится. Может быть, при встрече и огрызаются друг на друга, что знают о другой жизни, а рассказать не могут — от страха язык не поворачивается.

У нас редко-редко кто погладит собаку, приласкает. А в Англии — парикмахерские собачьи. Самые модные прически — для собак! Выйдет какой-нибудь пудель или фокстерьер — сразу видно, что иностранец! Влестит, выбрит, вымыт, шерсть вычесана, уложена, на лбу кок взбит. И запах от него не собачий. Где там блохе завестись?! Если и запрыгнет — поскользнется, сорвется и упадет.

Посмотришь в окно собачьей парикмахерской — ну точно, как у нас, на Невском или в «Европейской» дамский зал: педикюры, маникюры, стрижка, мойка, укладка, завивка и всяких приспособлений столько же... Щеточки, пилочки, ножнички, пинцетики — и все это для собак! Сидит какая-нибудь сука или кобель под феном, нежится, дремлет...

Да нет, что и говорить, у них собачья жизнь — завидная. Любая наша модница позавидовала бы!.. А некоторых собак на руках носят. Китайские, японские... Есть такие, что совсем на собак не похожи. Маленькие, безносые, косматые, глаз не видно, где зад, где перед — не разберешь. А тоже лают! Они, как декорация, больше для красоты, не для службы. Пользы от них никакой.

Есть и сумки специальные собачьи. Купил один наш такую сумку с окном, килограммов на пятнадцать. Спрашиваю: «Зачем тебе такая?» А он отвечает: «Как это зачем? Подарок. Жене. Купит чего — и все видно. Для этого окно сделано. Иностранцы, они зря не придумают!» Руководитель говорит: «Эта сумка для жуликов хороша. Раскрывать не надо, все видно, что лежит. А потом, она не человеческая, а собачья, в нее собак кладут, как раз мордой в окно, чтобы вокруг глядела. Вот смотри, и собака нарисована!» «Значит, я не то купил? А хороша — глаз не оторвешь! Посмотри, как сделана! Капиталисты на выдумку хитры... А-а, ничего, сойдем! У нас не догадуются, что она собачья. Ни у кого такой нет!»

Я последнее время задумываться стал, и чем старше становлюсь, тем больше и больше думаю. Возьмем, к примеру, наших собак. У которых есть квартиры, выводят их гулять, но на поводке. У некоторых — намордники. И все равно они страшные, суется, того и гляди — бросается на тебя. Увидишь собаку — и стараешься стороной ее обойти. Я думаю, такое происходит оттого, что их долго держат взаперти. Оттого они такие суевливые. Дома сидят, никаких собачьих новостей не знают. Выведут ее на короткое время на улицу, во двор или в парк, за пять — десять минут должна все успеть! Обнюхать, посмотреть, узнать все сплетни собачьи, оставить свой след. И все это делается в второпях. Выведут на свободу, а та на поводке! «Стой! Куда? Назад! Сидеть! Ко мне!» На свободе — и никакой свободы...

А если задуматься, в какой собаке больше силы: в нашей или в ихней? Мне кажется, что в нашей. Во-первых, потому, что она — наша! Во-вторых, если спустить наших собак с цепи — разорвут. Ну, а если натравить их да подкормить, то... Все иностранцы в клочья полетят, ничего от них не останется! Да и подкармливать не надо, сами себе жратву найдут. Они привыкли.

Соб. культура. - 1989. - Savr. - с. 10